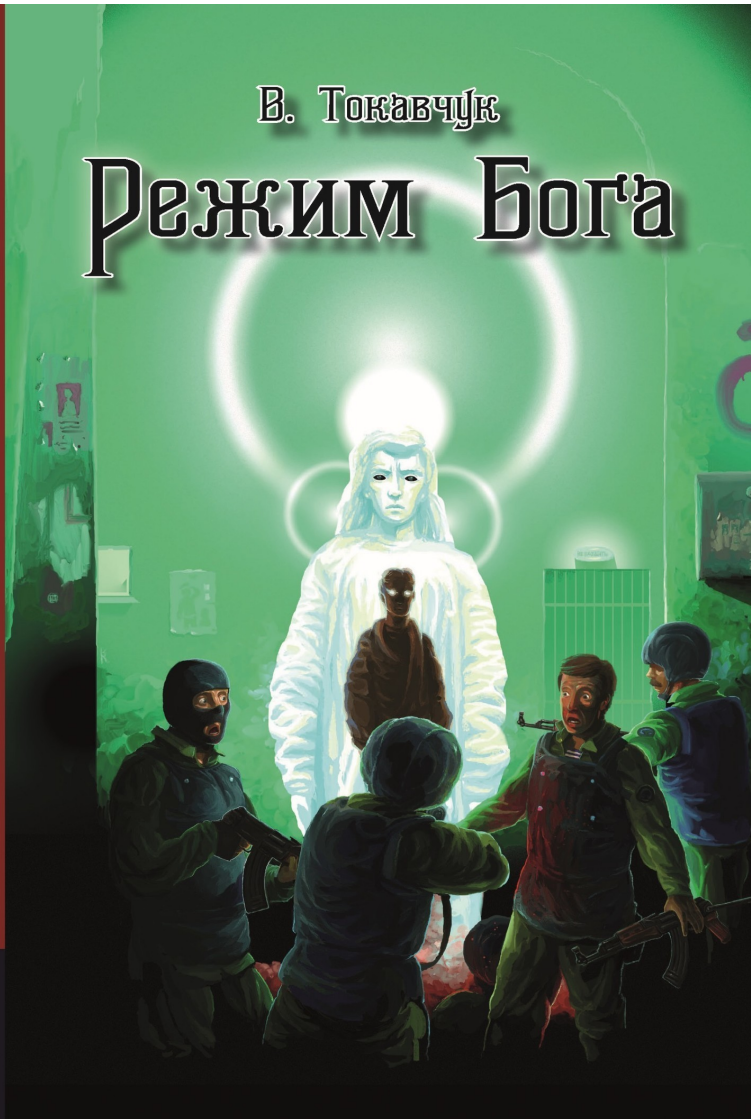

В. Токавчук

Режим Бога

Владимир Токавчук

Режим бога

Серия «Аллея»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49593373

Режим бога:

ISBN 978-5-6043363-3-5

Аннотация

Человечество издавна задается вопросами о том: Кто такой человек? Для чего он здесь? Каково его предназначение? В чем смысл бытия?

Эти ответы ищет и молодой хирург Андрей Фролов, постоянно наблюдающий чужие смерти и искалеченные судьбы. Если все эти трагедии всего лишь стечение обстоятельств, то жизнь превращается в бессмысленное прожигание времени с единственным пунктом конечного назначения – смерть и забвение. И хотя все складывается удачно, хирурга не оставляет ощущение, что за ширмой социального благополучия кроется истинный ад. Но Фролов даже не представляет, насколько скоро начнет получать свои ответы, «открывающие глаза» на прожитую жизнь, суть мироздания и его роль во Вселенной.

Остается лишь решить, что делать с этими ответами дальше, ведь все оказывается не так уж и просто...

Для широкого круга читателей.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	20
Глава 1	21
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Владимир Токавчук

Режим бога

*Ты приписываешь Богу любовь, потому что
любишь сам.*

Людвиг Фейербах

© Издательство «Руда», 2019

© В. Токавчук, 2019

© Р. В. Кашин, иллюстрация на переплёте, 2019

Пролог

Россия, г. Тартарск

За 7 лет до нижеописанных событий

Погода была невероятно ненастной. Над Тартарском низко плыло серое тяжелое небо, напоминая грязную вату, которой уже не один год конопатили щели в оконных проемах. Особо темные, не пропускающие света, сгустки облаков обещали пролиться ледяным дождем. Полиэтиленовые пакеты, похожие на мучающихся от грехов призраков, поднимались над прохожими и уносились порывами ветра, чтобы обрести покой в черных сплетениях голых веток. Отражая творящаяся над ними осеннее безумие, ледяные лужи вторили пыткам приближающейся зимы. На фоне луж всеми красками гротеска звучала торжественная речь мэра города и играла музыка. В миллионном Тартарске открывали метро. Действо происходило на Центральной площади, с которой, спустившись по ленте эскалатора, теперь можно было уехать на окраину города без пробок и светофоров.

С застывшими на блестящей поверхности брызгами грязи летние туфли уже не грели ноги своего хозяина, сдаваясь перед осенним холодом. Из рта вырывались клубы пара и хотелось горячего кофе. Именно о нем, перетаптываясь чуть поодаль заинтересованной толпы и зевая, мечтал Роман Крестов – следователь прокуратуры Комсомольского района

Тартарска. Ноги совсем заоченели, а в голове бесконечно крутились укоры самому себе, что не послушал жену и не надел с утра теплых ботинок. Планировалось, что день пройдет по схеме: из машины в офис, да из офиса в машину. Но потом на мобильный поступил вызов с «не определяющегося» номера. Встреча была назначена здесь, а уйти нельзя: слишком важного для простого следователя прокуратуры Крестов ожидал человека.

Черную иномарку с номером Х299КХ99 следователь приметил сразу. Номер сообщал о том, что именно её и ждал. Из припарковавшегося автомобиля вышел невысокий и худой человек, возраст которого определить было затруднительно из-за седины и двух глубоких морщин по углам рта. Как только ветер Тартарска обрушился на мужчину, он поднял воротник серого пальто и бодрым шагом направился к Крестову. Слишком уверенным для того, кто его никогда не видел.

– Илья Матвеевич, – сухо представился мужчина в пальто и обменялся с Крестовым быстрым и вялым рукопожатием.

Его взгляд лишь коснулся лица ожидавшего и тут же устремился на толпу впереди, как будто происходящие на сцене торжества его очень сильно интересовали.

– Роман Павлович, – продолжил худой мужчина, – давайте начнем без прелюдий. Все, что происходило с вами в последнее время, слишком странно. Раскрыли три громких дела за три недели, над одним из которых службы трудились

ни один месяц. Более того, если бы просто выходили на подозреваемых через улики, расследования, это было бы еще как-то объяснимо. Но двоих взяли на месте преступления. Что почти стопроцентно доказывает их вину. К третьему вы просто приехали домой, который кишел уликами. Однозначно, что у вас есть информатор, который сливает точное время совершения преступлений. Кто это человек?

Вопрос был задан таким образом, что не предполагал отсутствие информатора. Отрицать его наличие было глупо. Скорее всего, телефон уже прослушивался и как только от него поступит звонок...

– Я не знаю, – абсолютно честно сказал Крестов. – От звонит мне на мобильный и сообщает информацию. Я пытался выяснить: он сказал, что к нему можно обращаться «Зера».

– Зера? – переспросил худой в сером пальто, со стороны он совсем не казался человеком, диктующим условия высокому плечистому блондину с небритым лицом и в черной куртке.

– Да Зера. Я не думаю, что это сокращение от Зураб. Я думаю: так он дал понять, что даже не нужно рассматривать возможность того, что он сказал настоящее имя.

– У него был акцент?

– Нет. Говорил на чисто русском. Особые «говоры» или диалекты я не слышал.

– С какого номера он звонил на мобильный?

– Всегда с разных. И тоже с мобильных. Вы думаете, мне

было не интересно кто он? Во время первого звонка, после которого мы брали Пригодина, я вообще не верил, что это правда. А когда все совпало, сразу же пробил номер.

– И что? – собеседник Крестова достал сигарету и попытался прикурить, отворачиваясь от порывов ветра.

– С номерами вообще дела странные. Все три номера принадлежат разным людям, но это не «мертвые души». Это реальные люди, которые действительно пользуются этими номерами. Их мобильники никто не крал. В день, когда с их телефонов совершались звонки, они забывали аппараты дома. Данные от сотовых операторов показали: да, действительно, звонили. Но! В период отсутствия владельцев в квартирах. Один так вообще за границей был. При этом исходящий вызов аккуратно удалялся, чтобы хозяева аппаратов ничего не заподозрили. Следов взломов во всех квартирах не обнаружено. Никаких. Дома без консьержей, охраны и камер. Все сделано так, что вычислить автора звонков нет никакой возможности.

– То есть информатор знал, что человек забыл дома телефон, не оставляя улики проникал в квартиру и делал звонок? – мужчина в пальто уже закурил сигарету и, затянувшись, сам же начал отвечать на свой вопрос: – Очевидно, что объект контактировал с обладателями телефона заранее и, скорее всего, обладает гипнозом. Но такую версию нам подсказывает многолетняя практика расследования. На самом деле мы имеем дело с совершенно аномальными вещами. И

вот почему. Изучив показание Вагина – маньяка-насильника, который приковал свою жертву в гараже, я обнаружил любопытные вещи. Незадолго до приезда ваших «архаровцев» в подвальном помещении, где удерживали жертву, появился голый мужчина. Как он преодолел железные двери гаража, закрытые изнутри на затвор, вопрос отдельный. И даже то, что он был голым – не самое странное. Мужчина появился в тот момент, когда Вагин собирался совершить насильственный акт, и потребовал отпустить девушку. Вагин решил расправиться с незнакомцем куском металлической арматуры. Но не смог, потому что «арматура проходила сквозь тело, как будто бы он был приведением». Это я процитировал дословно. Можно было бы конечно списать все на шизофрению маньяка, тем более экспертиза его психического состояние еще не проводилась, но вот незадача, потерпевшая, чудом избежавшая насилия благодаря незнакомцу – Светлана Хмелюк, дала те же самые показания. Выведя маньяка из строя ударом по мошонке, голый мужик просто ушел в бетонную стену. Как призрак. И случилось это тогда, когда СОБР вырезал автогеном проем в железных воротах гаража, и девушке уже ничего не угрожало. Вам не кажется, что невероятные события в гараже Вагина и звонки с телефонов забытых в квартирах, имеют много общего?

– Кажется.... – Крестов почти выдавил из себя с явным недовольством. – Но я не вижу ничего противозаконного в действиях этого человека. Тем более, ни один факт проник-

новения в квартиру с телефоном не доказан.

– Я разделяю ваши сантименты к информатору, Роман Павлович. Вы были обычным заурядным следяком, а стали героем новостей. Но и вы должны понимать, что, скорее всего, информатор – член одной из ОПГ. Иначе откуда ему знать точное время преступлений? А может он из какого-нибудь ЦРУ или МИ-6? Да даже если он просто Робин Гуд, то обладая теми сверхспособностями, о которых говорят немногочисленные факты, этот человек опасен для государства, его первых лиц и общества в целом. Сегодня он спасает дурочек, заманенных Вагиным в гараж, а завтра грабит золото-валютные запасы России. Или продает секретную информацию нашим геополитическим врагам. Поэтому наша с вами цель установить его личность, найти слабые места, чтобы понять, как его можно контролировать и завербовать.

– Как это можно осуществить с человеком, который выходит на связь максимум на две-три минуты раз в неделю по телефону забытому в квартире?

– Попробуйте разговорить его. Не мне вас учить. Ваш телефон уже прослушивается, как только он объявится, его сразу же засекут. В течение пяти-шести минут мои люди приедут по определенившемуся адресу, и будут ждать человека, фоторобот которого будет составлен из описаний Вагина и пострадавшей Хмелюк. Я думаю, что информатор и голый мужик из гаража – один и тот же человек.

«Отлично! – тут же разозлился Крестов про себя. – Мой

телефон уже прослушивается. И об этом сообщают как о само собой разумеющемся факте. Как будто мы ищем человека, который не помог поймать трех опасных преступников, а сам является конченным рецидивистом-психопатом».

Мужчина в пальто как будто прочитал мысли собеседника и решил успокоить его:

– Не переживайте, Роман Павлович. Даже если вы будете по своему мобильнику обсуждать получение взятки, никто вас не посадит. Нам плевать на это. Нас интересует только он – ваш информатор. Скажите, он же всегда с точностью до минуты называл время совершения преступления?

– Как ни странно, но да.

– А с Вагиным вы опоздали, верно?

– Да, там вышла заминка. Потом резали ворота автогеном.

Опоздали на минут двадцать.

– Сущая ерунда, казалось бы. Но за это время Вагин бы изнасиловал Хмелюк, чего наш герой допустить не мог. Поэтому он и появился. В следующий раз мы тоже опоздаем, и он появиться...

Собеседник Крестова сделал паузу и добавил:

– Этим будут заниматься двое местных ребят, они свяжутся с вами. И не дурите, Роман Павлович, вы и так уже имели с этого по-максимуму, пришло время других людей.

– Понимаете, Илья Матвеевич, дело не во мне, дело в нем. Мне кажется: пытаться провернуть с ним все эти процедуры... – Крестов слегка улыбнулся. – Возможно, он уже знает

обо всем этом.

– Поэтому я и назначил здесь встречу. Ни одна прослушка ничего не услышит в этом балагане. Да и вообще, это не ваша забота, а наша. Вам – только вывести его на нас.

Крестов хотел, сказать что-то типа: «Я вас предупредил», но тут же осознал глупость подобных высказываний. Все уже давно было решено и роли распределены. Ему, следователю прокуратуры, определена была скромная – наживки. И слушать его, очарованного успехом раскрытых преступлений, никто не собирался, во-первых, как заинтересованную сторону, во-вторых, как малозначимую единицу системы государственной безопасности.

– Одного не пойму, – проронил Илья Матвеевич и в очередной раз сделал паузу, чтобы следователь из Тартарска начал гадать, о чем же думает этот важный человек, и как следствие, нервничать.

Собственно, непонятно было столь многое, что иметься ввиду могло все, что угодно. Поэтому Роман Крестов повернул голову и выразительно посмотрел на своего московского собеседника, ожидая очередного «витка» в деле загадочного информатора.

– На хрен вам здесь метро? – лишь и сказал Илья Матвеевич и, одарив прокурорского следователя прощальным взглядом и сухим рукопожатием, поспешил в свой автомобиль.

У Крестова тем временем окончательно занемели от хо-

лода ноги. Ветер поутих и вместо дождя пошел белый пушистый снег. Толпу на площади это явно обрадовало. Люди не спешили расходиться, продолжая праздновать столь значимое событие для города. Белые хлопья, будто обреченные воины света, падали на мокрую черноту асфальта и становились ее частью, не в силах ничего изменить. Не мог уже ничего изменить и Крестов.

«Не просчитал! Не продумал! Увлёкся!» – корил себя он, плетясь к своему автомобилю. В белой «Шкоде» его ждал кипятильник, работающий от прикуривателя, растворимый кофе из пакетика и теплая печка, способная отогреть ноги.

На душе было погано. Роман прекрасно понимал, что потерял бдительность не из-за карьерных успехов, на что неоднократно намекал Илья Матвеевич, его опьянила «избранность». Каждый хочет стать не таким как все, а когда для этого и особых усилий не прилагаешь, так это сразу расправляет плечи и кружит голову. Когда тебя, как в фильме «Матрица», просто находит твой Морфиус и говорит, что ты его Нео. Только выбери нужную таблетку. И Крестов выбрал. Ведь мог же не поверить в первый раз и забыть о звонке. А нет, выехал и взял сначала педофила, а затем и Лентовского, человека, из-за которого, как выяснилось, без вести пропало с десятков людей. Потому что тяжело опознать жертв по выловленным из реки берцовым костям.

На самом деле Роман Крестов не все рассказал человеку из Москвы. И не то, чтобы сильно хотел утаить, просто кроме

мистицизма эта история ничего нового в дело о загадочном информаторе не привнесла бы. И, пожалуй, даже сам прокурорский следователь предпочел, чтобы ее не было, потому что объяснить такое какойлибо логикой или привычным порядком вещей было нельзя.

За пару месяцев до первого звонка от информатора Крестов сидел в конторе и что-то строчил на компьютере. С проходной сообщили, что к нему пришел некий Виктор Лукин. Имя и фамилия показались знакомыми, и Роман решил, что это один из свидетелей по какому-нибудь из уголовных дел и дал добро. В кабинет зашел толстый мужчина лет пятидесяти, с короткой стрижкой и круглым лицом – и опять показался знакомым. Пока следователь перебирал в голове, с каким уголовным делом связан мужик, тот полез в карман куртки, достал сложенный вчетверо листок и положил на стол. На листке был фоторобот, их тех, которые развешивают на стендах под надписью: «Их разыскивает милиция», и тут же в голове Крестова все сложилось. Виктор Лукин был известным мошенником и воров по прозвищу Экстрасенс, объявленным в федеральный розыск.

– Прими меня, начальник, – начал разговор Экстрасенс, – тебе орден дадут. На зоне мне спокойней будет. Ходка у меня не первая, меня там как родного встретят.

Крестов был в шоке. Экстрасенс получил свое погоняло не зря. Он был гастролером, не задерживался в одном городе больше нескольких месяцев. Промышлял тем, что ду-

рил продавцов сотовых телефонов и бытовой техники. Схемы использовались самые разные, но суть была не в этом. Раз пять милиция выезжала брать его на съемные квартиры, но каждый раз Лукин исчезал за несколько часов до появления представителей власти. И это, не считая его способности выбирать для развонок самых беспечных и неопытных продавцов.

– Экстрасенс... – лишь вымолвил следователь.

– Он самый... Вижу удивлен моему визиту. Вопросов, наверное, много. Я тебе расскажу, как смогу. Мне тебя предупредить надо, зачтется мне это, да и на зоне схорониться в самый раз будет.

– О чем предупредить? – тут же перебил его Крестов, подозревая о покушении на него или его семью уголовниками, чьих подельников он отправил за решетку.

– Скоро в Тартарске беспредельщиков мочить будут по-черному. Я, начальник, всю жизнь по понятиям жил, аристократом стал. Но там под замес любой попасть может. Каждый вшивый, кто жопой чует, щемится куда может. Хотя, смотрю я и понимаю, ссучилась ельня, одни лохи остались. Никто шило не чует, меня за трепло держат. Ну да Бог им судья.

– Разборки что ли грянут? Кто с кем воевать будет?

– Он идет. Он страшнее любого мента или авторитета будет. Кровь рекой польется. Я хочу тебя предупредить, что Он тебя выберет. В помощники. Хотя ему, конечно, помощники не нужны. Но его планы понять никому не дано. Ты,

начальник, готовься. И ничего не бойся. Тому, кто Ему поможет, бояться нечего. Кобзда тому, кто беспредел творит и накосячит против Него.

– Экстрасенс, ты упоротый что ли? Кто придет, какой Он?

– Каратель.

В тот момент Крестов не знал, то ли радоваться, то ли нет. С одной стороны, преступник, которого искали несколько лет, пришел с повинной, с другой – бред, который он нес, сильно разозлил. В конце концов, Крестов вызвал милиционера с проходной, чтобы арестовать Лукина, а для себя решил, что Экстрасенс был под наркотой. Хотя экспертиза не проводилась. А потом появился этот информатор.

Кем бы он ни был, но он уже спас ни одну жизнь, а теперь его надо сдать. Цинично и без слов благодарности. Извини, мол, ничего личного, просто работа. Но даже ни чувство вины перед этим загадочным человеком больше всего беспокоило Крестова. В конце концов, он понимал, что нельзя проработать следователем в белых перчатках. Просто у следователя было дурное предчувствие. «Кровь рекой польется», – вспоминались слова Экстрасенса. Но крови не было. Твари сидели в СИЗО, ожидая гигантских сроков, потенциальные жертвы были спасены.

Впереди было много дел. Горячий кофе согрел изнутри, в заведенной машине стали отогреваться ноги. Роман Крестов счистил дворниками налипший на лобовое стекло снег и отправился по многочисленным предстоящим заботам.

Домой он попал, как обычно, поздно. Крестову было тридцать четыре года, женился он вскоре после института, и его ждали жена и двое сыновей. Старшему, Саше, было девять лет, младшему, Стасу, всего три года. С ним, малышом, жена и смотрела телевизор, Роман же поужинал, налил чаю и вместе с кружкой зашел в детскую, где жили мальчишки. Саша играл в компьютер, в какой-то шутер от первого лица. Он поприветствовал отца, не отрываясь от игры, отвечал на вопросы о школе и делах. Все это время Крестов стоял рядом, пил чай и наблюдал за происходящим на экране. В какой-то момент он заметил, что с игрушкой что-то не так. Главный персонаж игры, за которого и играл Саша, у которого на экране отображались только руки и оружие, проходил сквозь стены, окружающие его монстры не причиняли никакого вреда, в то время, как он играючи, не прячась, не отступая и не уворачиваясь, убивал их самыми разными способами.

– Саша, – не удержал любопытства отец, – почему тебя никто не может убить? У тебя броня какая-то крутая что ли?

– Да не, – ответил мальчик, – просто я играю в «режиме бога». Там никто тебя убить не может. Мне Эдик коды дал. Эти коды, когда игрушку делают, програмеры для отладки используют, чтобы не проходить игру постоянно. Я эту игрушку уже прошел, решил так попробовать.

– А смысл какой?

– Как какой? Можно участки проходить на которых тор-

мозишь, или просто оторваться...

«Хм, режим бога, – почему-то мысли про обычную стрельку не отпускали Крестова даже в ванной, когда он стоял перед зеркалом с покрытым белой пеной лицом, – может, и правда: все мы живем в компьютерной программе, словно в фильме «Матрица». А у некоторых людей просто есть какие-то специальные коды? Бр-р! Бред! Хватит уже! Кто-то просто водит всех за нос. И это очень умный человек. Возможно, и правда обладает гипнозом. А скорее всего Вагин сам вкидывался всякой дрянью и подсунул ее Хмелюк. По ее, кстати, показаниям, после выпитого с Вагиным коньяка она почувствовала себя очень плохо и «не соображала, что происходит». Вот и привиделся им мужик, проходящий сквозь стены. Нашли же у Вагина в квартире при обыске феназепам...»

Красный орнамент разрастался под силой гравитации все ниже и ниже, напоминая ветки растения, проросшего из крохотного красного зернышка. Кровь заполняя мельчайшие складки кожи, должна была вот-вот остановиться, но маленькая рана будто мастер бодиарта, не желающий прекращать свою работу, продолжала рисовать на лице недолговечный узор. Ее шедевр умер мгновенно от легкого прикосновения полотенцем, но алое семя поврежденной плоти вновь испускало свои красные ростки.

В ванной комнате появилась жена Крестова, и, увидев порез от бритвенного станка, ни столь от испуга, сколько от со-

страдания к родному человеку, воскликнула:

– Рома, у тебя кровь!

Часть первая

«Жизнь»

Бойся человека, Бог которого живет на небе.
Бернард Шоу

Глава 1

Кровь залила весь пол. Ее было так много, что она хлюпала под ногами. В узком казенном коридоре с зелеными панелями при тусклом свете люминесцентных ламп, она, казалось, уже просачивается под многочисленные двери. Надо было кого-то найти. Пальцы по очереди сжимали дверные ручки, пытаясь открыть двери, но все были заперты. Чувство безысходности нарастало. Наконец-то одна из дверей поддалась, но внутри совершенно темно и непонятно, что скрывает в себе комната. Через несколько секунд глаза привыкают к отсутствию света, и на фоне зарешеченного окна проступает женский силуэт. За окном ночь, и невозможно точно разглядеть, кому он принадлежит...

Сон оборвался резко. Андрей Фролов открыл глаза и увидел свою комнату, где ничего не предвещало беды, утренняя блеклость пробивалась из-под оконных штор; рядом, уткнувшись в подушку, мирно лежала сонная жена. Это принесло чувство облегчения. Первое и самое сильное. Послекусие же еще длилось какое-то время, заставляя фиксировать взгляд в стены, в потолок, на светлые женские волосы. Наконец Фролов вздохнул, встал с кровати и отправился на кухню.

Тусклый свет, падающий из окна, говорил о пасмурном небе. Андрей выглянул на улицу. Мокрый асфальт сообщал

о недавно прошедшем дожде. Кто-то, скрываясь под черной синтетикой зонта, спешил по ранним воскресным делам. Сентябрь, дошедший до своей середины, только сейчас стал напоминать о наступающей осени, разбрасывая редкие желтые листья по черной поверхности двора. Синоптики обещали первые заморозки уже на следующей неделе, холод, словно смертельная болезнь, все сильнее поражал обреченное лето. Фролов понял, что хочет кофе.

Он считал себя добропорядочной общественной единицей. Покрайней мере, так выглядело. Хирург, женат на симпатичной успешной женщине, вредных привычек нет, если не считать случаи употребления спиртного по конкретному поводу в компаниях, что, напротив, всегда идет за плюс. Но внешняя социальная оболочка признанного успешного человека не совсем соответствовала внутреннему состоянию Андрея.

Его постоянно мучили вопросы о смысле жизни. Периодически успокаивал себя соображениями о важности своей профессии, что спасает людские судьбы, что в быту у него налажено, все живы и здоровы. Но каждый раз через какое-то время Фролов приходил к выводу, что просто обманывает самого себя, и все перечисленное не придает его существованию того самого смысла, ради которого стоит просыпаться каждое утро. Чтобы начинать «воротить горы», получая в награду удовлетворение и ощущение полноты жизни. На самом деле, она напоминала пейзаж за окном поезда. Что-

то менялось, но что именно – сказать было трудно. Картина глобально была однообразной, а оттого унылой. Непонятные для Фролова приступы озлобленности, периодически возникающее желание кардинально что-то поменять, только ухудшали ситуацию. Возникало ощущение, что за успешной оболочкой, кроется истинный ад, но его создатели настолько хитры, что сделали все, чтобы в реальности иллюзии никто не усомнился.

Но Фролов сомневался. Казалось, ответ крылся на самом видном месте. Как вещь, лежащая перед тобой, но не замеченная, поскольку ты заглядываешь в тумбочки и копошишься в углах. Все заканчивалось, когда продолжать поиски ответов – уже не было сил, но каждое окончание сопровождалось мыслью, что в следующий раз ответы обязательно надо найти...

Кофе-машина страдальчески загудела, как будто приготовление кофе было не ее прямым назначением, а возложенным тяжким обязательством. Нехотя цежа в кружку черную струйку ароматного напитка, она все-таки разбудила своим жужжанием жену Фролова – Веру.

– Доброе утро, – проронила она, усевшись за стол. – Сделаешь мне тоже?

Вера Фролова казалась своему мужу истиной красавицей. И это мнения разделяли множество других мужчин, постоянно оказывающие Вере внимание или даже ухаживающие за ней. Но надо сказать, что как все в этом мире, Вера имела

и недостатки. По крайней мере, так это выглядело в сознании представителей сильного пола, которые хотели заполучить девушку в качестве последнего штриха к своей успешности. Вера была остра на язык и постоянно саркастически подчеркивала любые недостатки или неудачи своего спутника, что когда-то значительно сузило круг претендентов на ее руку и сердце. Андрей же не принимал близко к сердцу очередную колкость, а зачастую просто игнорировал, потому что причислял подобную черту поведения к юношескому максимализму и проявлению комплексов. Фролов был старше жены на пять лет, совсем не критично, но в момент их знакомства уже окончил интернатуру и делал первые операции. Она же, была студенткой пятого курса, не работавшей ни дня. Разница в уровне ответственности перед самим собой и другими людьми была настолько велика, что изначальный разрыв в пять лет ощущался на все десять.

Как-то вскоре после свадьбы Вера увидела пришедшего с ночного дежурства мужа и подтрунила над ним по поводу его внешнего вида: «Может тебе моего тонального крема дать?» «Зачем?» – недоумевал Андрей. «Синяки под глазами замажешь». Фролов задумался, посмотрел куда-то в окно и после недолгой паузы спокойно начал рассказ, который, вроде как, совсем не имел отношение к «остроумной» шутке Веры: «Сегодня после автомобильной аварии привезли парня. Молодой, лет двадцать, наверное. Ему грудную клетку пробил какой-то железкой, а во время операции серд-

це остановилось и мне пришлось его просто взять в руку, и начать массировать... Парень выжил, по крайней мере, пока». Вере стало неловко за колкость, с тех пор после ночных дежурств неважный внешний вид мужа больше никогда не обсуждался. Подобные истории, когда Андрей ставил жену в неудобное положение после необдуманного и неуместного сарказма, случались потом ни раз. В результате колкостей стало гораздо меньше, а в последнее время Фролову казалось, что Вера даже испытывает из-за этого чувство вины, и к ней, наконец-то, пришло понимание глупости своего циничного поведения.

Познакомились они в новогоднюю ночь. Андрей встречал праздник с двоюродным братом Жорой, мать и отец которого уехали отмечать наступление нового года как раз к родителям Фролова. Девушка брата улетела с родителями за границу, вдвоем в пустой квартире было скучновато, и как только пробили куранты, Андрей и Жора взяли выпивки и отправились на близлежащую площадь, где красовались елка и ледяные фигуры. Погода празднику соответствовала: с легким морозцем и редкими сверкающими снежинками. Куча самого разнообразного народа веселилась, крича, смеясь и наслаждаясь фейерверками. Фролов же сразу выделил из толпы немного грустноватую большеглазую блондинку с непокрытой головой, в коричневой норковой шубе чуть ниже колен. Блондинка была с какой-то девушкой, которая особо и не интересовалась, казавшись удачным дополнением для

парного знакомства. Андрей дернул Жору за рукав и указал на девчонок. Жора, обещавший поддержать одинокого брата, понял сигнал к действию и оба отправились знакомиться. «Девчонки, с Новым годом!» – закричал Жора. «С Новым годом!» – ответила девушка, что была рядом с блондинкой в шубе. Она выглядела гораздо более бесшабашно – красная куртка до пояса и шерстяная шапка с большим бубоном на макушке. «Давайте знакомится?» – подвыпивший Жора шел самым коротким путем. «Нет, – вдруг заговорила блондинка, – вы пьяные!» Жора явно не ожидал такого поворота, в новогоднюю ночь все пьяные, ведь это нормально быть пьяным в полночь тридцать первого декабря. Но тут заговорил Фролов. «Нет, не пьяные!» – ответил он. «Докажи!» – продолжала блондинка. «Не вопрос», – ответил Андрей и, встав «солдатиком», сначала выдвинул вперед правую ногу, поставив ее впереди левой, а затем раздвинул руки, закрыл глаза и дотронулся кончиком указательного пальца руки до кончика носа. «Что это?» – удивилась блондинка в шубе. «Это поза Ромберга, причем сложная. То, что я смог ее выполнить, говорит о том, мадмуазель, что я совершенно трезв!» Снисходительная улыбка появилась на лице девушки, и она представилась: «Вера».

С тех пор прошло больше шести лет, теперь Вера с упавшей на руку белой бретелькой сидела за столом в ожидании утреннего кофе. Казалось, она совсем не изменилась, всего чуть располнела, что делало ее ещё привлекательней и жен-

ственной. Худоватая девичья фигура отточилась красивыми плавными переходами от бедер к талии, переливаясь в подтянутую упругую грудь.

– Сон дурацкий приснился, – начал утренний разговор Андрей. – Будто я в каком-то коридоре, а весь пол залит кровью...

– Это все из-за работы, – ответила Фролова, зевнув, – ты же знаешь.

– Мне очень редко работа снится.

– Работа да, а всякая хрень часто. Помнишь сон, где тебя хотели принести в жертву, а ты всех убил металлической кухонной лопаточкой. По-моему, все очевидно: жертвенный стол – это операционная, лопаточка – хирургический инструмент. Ты не доверяешь врачам, потому что сам врач и поэтому боишься попасть под операцию.

– Ну хорошо, раз ты так лихо трактуешь сны, скажи, что значит сегодняшней?

– А что он значит? У каждого хирурга есть свое кладбище. А коридор этот, наверное, в морг ведет?

– Не знаю. Не похож вроде. Он узкий был, со множеством дверей, и наш широкий, чтобы каталки проходили.

– Ты сам себя слышишь? Чтобы каталки проходили! С трупами... У вас там уже ничего святого нет. Что у тебя, что у Жени твоего – патологоанатома. А потом удивляешься: я тут во сне по щиколотку в крови ходил.

Андрей поставил чашку с кофе перед женой, сел напротив

и, отпив из своей кружки, продолжил:

– У меня потом от этих снов депрессия начинается...

– А ты любовницу заведи! Знаешь, как жизнь ключом забьет? Адреналин, угроза разоблачения, тайны, страсть. Скушать не придется!

Фролов вздохнул, подпер голову рукой и уставился в стол. Конечно же, Вера шутила, как обычно. Хотя любовницу завести было несложно, на ум даже пришла конкретная личность – одна медсестра из больницы. Но заводить совсем не хотелось, хотя иногда жена утомляла бесконечными глупостями.

– Андрюша, ну прости, – Вера протянула руку и положила ее на руку мужа. – Ты же знаешь, что я постоянно говорю какую-то ерунду. Просто я за тебя переживаю. У тебя тяжелая работа. Тебе нужно расслабиться. Пошли обратно в спальню, мы слишком рано вылезли из постели. У нас и так выходные редко совпадают, чтобы их тратить на переживания из-за дебильных снов.

– Вера, ты веришь в Бога? – вдруг спросил Андрей.

– Верю, – ответила Фролова, пожав плечами. – А к чему вопрос?

– Я каждую смену вижу, как кто-то умирает. Это уже буднично. Престали трогать слезы близких, страдания людей... Я вижу, как человек превращается из личности в кусок мяса. Который можно, как говядину, покрутить на котлеты. Неужели то, что мы делаем всю жизнь, только ради этого...

Просто мне не верится, что мясо превращают в человека миллиарды нейронов, а также кислород и глюкоза, переносимые кровью в головной мозг.

– Поэтому люди и придумали веру. И даже женские имена в честь нее, – Фролова пыталась разрядить нарастающее философско-гнетущее напряжение шуткой. – Не хочется же думать, что все закончится после смерти, и ты станешь «куском мяса». А так на небе тебя ждет Бог, который решит, куда тебя отправить: в рай или ад. Мне кажется, Бог сам понял, что нельзя прожить на земле не нагрешив, поэтому отправил сюда своего сына Иисуса, чтобы его распяли и он искупил за нас все грехи. Так сказать, Бог исправил собственную ошибку при сотворении Мира. Никто не хочет в ад, оттого люди приходят в церкви, молятся, причащаются... За это им все прощается и они попадают в рай. Все давно придумано, а ты, Андрей, пытаешься изобрести велосипед. Сходи в церковь, помолись, исповедуйся, наконец. Думаю, ты просто не можешь мне что-то рассказать. Может, по твоей вине человек умер, откуда я знаю. А так полегчает. И не переживай, ты точно в рай попадешь. Столько людей спас от смерти.

Фролов улыбнулся. Вера была практичной женщиной, и ему казалось, что это ее когда-нибудь и погубит. Рецепты церкви были известны, когда-то начинающий врач действительно посещал батюшку, поскольку нуждался в этом, но по сути дела смысловая версия христианской концессии, выданная Верой Фроловой, не слишком отличалась от того, что

сказали в церкви. Просто она позиционировалась с «колокольни» обычного обывателя, а не церковнослужителя. И эта версия не очень нравилась Фролову. На самом деле ему не очень импонировало христианство вообще. И не потому что его главные святые не вызывали уважения, не внушала доверия сама идея искупления твоих грехов кем-то. В этот момент возникало чувство какой-то безответственности. И судя потому, что христианский мир ждет второго пришествия Христа, создавалось впечатление, что трюк с распятием все хотят повторить. При этом, более-менее здравомыслящему человеку было понятно, что доказать, что ты и есть Иисус, который жил две тысячи лет назад, практически невозможно. Тем более, в современном мире без специального маскарада этот человек и близко не будет внешне напоминать свою версию двухтысячелетней давности. А люди, ой как подвержены визуализации личности. Оттого возникало чувство, что Христос, скорее, статус, нежели личность. А раз статус, то есть определенные процедуры, которые ему соответствуют.

Чтобы люди соблюдали те самые десять заповедей, гораздо важнее контролировать самого себя изнутри, даже не держа в мыслях, что кто-то искупил или искупит твои согрешения. Да и трактовки заповедей, кроме: «не убей», «не укради» и «не завидуй», местами были слишком широкими, а порой, как «помни день субботний...», настолько мало приемлемыми в сегодняшнем обществе, что их соблюдение бы-

ло под большим вопросом. Не говоря уже о том, что в православии праздничным днем считается воскресенье, а заповедь «не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им...» в храме, где молятся на иконы, звучала странно.

В общем Фролов не получал от православной христианской веры никаких ответов, но жена любила пользоваться всеми благами социума от горячей воды до веры, а не изобретать велосипед, и осуждать эту жизненную позицию было бы не с руки. Поэтому Андрей сказал:

– Хорошо, схожу как-нибудь...

Вера казалась идеальной женой в каменных джунглях Тартарска. И требовать от нее, чтобы вопреки всем законам природы женщина изменила адаптации в своей окружающей среде, было не правильным. В конце концов, любой врач не только врач, но еще и биолог. Но Фролов искал в социуме «черные дыры», где за «горизонтом событий» люди адаптировались уже к другой своей реальности. И мыслили по-другому. Потому что если ты живешь в воде, то велосипед тебе уже не нужен. Может быть, поэтому ему снова захотелось увидеть одного человека. Тот тоже искал ответы о смысле жизни. А может, его хотелось увидеть для того, чтобы вспомнить, как чувство счастья заключается в маленьких радостях, которые у тебя всегда под рукой, из-за чего ты постоянно забываешь их существование...

Ночью 19 сентября неотложка привезла искалеченного тридцатипятилетнего мужчину, который что-то отмечая со своей двадцатисемилетней подругой, забыл выключить газ. Попытка покурить на балконе закончилась трагедией – произошел взрыв. Девушка скончалась на месте, а сам хозяин квартиры умер на операционном столе. Дежурство выдалось тяжелым. Андрей Фролов дожидался утра почти как главный персонаж из «Вия» Гоголя, а когда все закончилось, стрельнул сигарету у своей ассистентки – интерна Надежды Лаврентьевой и вышел из «Городской клинической больницы № 2».

По небу плыли большие белые облака, играясь со светом поднявшегося на востоке солнца. Ночью температура стояла чуть выше нуля, но теперь мир помаленьку отогревался в лучах ближайшей к планете звезды. Дождя явно не предвиделось. Дежурство закончилось, но мыслями Фролов все еще был в больнице. Ни так часто пациенты умирали в операционной. Но повреждения нанесены действительно тяжелейшие. Андрей сделал, что смог, затем старательно заполнил документы. С патологоанатомом Евгением Ломидзе хирург давно дружил, оттого переживания были связаны не с возможными трудностями на работе, а с бессмысленностью жизни, которая может в любой момент прерваться самым

нелепым образом.

Фролов решил стать хирургом после истории в отрочестве, когда тяжело умирал его пес. Ветеринары поставили животному онкологию и обозначили цену за операцию, не дающую никаких гарантий. Андрей даже не решился просить денег у родителей, так как на дворе были девяностые, отцу задерживали зарплату, средств не хватало даже на одежду и еду. Родителям он сказал, что собака обречена, а она умирала долго и мучительно. Люди, которые могли вырезать злосчастную опухоль, казались тогда богами. Но боги не захотели спасти живую тварь, хотя это была их работой.

История без вариантов заканчивалась смертью животного, но Андрей решил взять последний акт на себя. Когда родителей не было дома, он вытащил разобранное отцовское ружье из сейфа (где спрятаны ключи – он знал), сложил в дорожную сумку, затем взял животное и пошел на пустырь. Там он собрал ружье и застрелил пса.

Из глаз мальчика потекли градины слез, но чувство правильности поступка не покидало его. Почему пес, которого он вырастил из щенка, любил, гулял с ним, вставая ни свет ни заря, который отвечал ему взаимностью, был предан и дружелюбен к окружающим, вдруг перестал вписываться в этот мир и смертельно заболел? Зачем тогда вообще весь этот окружающий мир, если все всегда заканчивается смертью?

Собственно, этот вопрос был актуален для Фролова до сих

пор.

Чувствуя в голове тяжесть от недосыпания, Андрей стоял на крыльце больницы и не знал, как продолжить день. Вера уже где-то продиралась сквозь городские пробки на своем авто, чтобы приступить к работе. Фролов же предпочитал передвигаться на метро. Когда семь лет назад его открыли в Тартарске, он понял, что только так теперь и будет перемещаться по городу со старыми узкими улочками, постоянно забитыми автотранспортом. До дома было минут пятнадцать (когда-то дорога заняла бы почти час), но сон, как часто бывает утром, отступил, а прогулка обещала помочь развеется после ночной смены.

Андрей пошел в парк. Парк был недалеко и обещал быть красивым в период едва начавшегося листопада. Когда молодой интерн Фролов только устроился в больницу, парк был неухоженным, с оставшимися с советских времен разбитыми лавочками. И тропинками, асфальт которых был давно более дырявым, нежели швейцарский сыр. Потом городские власти взялись за обустройство, и теперь здесь в центральной части красовался фонтан, повсюду лежал новый асфальт, и стояли покрытые лаком скамейки.

Прохладным утром в парке было пустынно. Но даже редкие прохожие раздражали Фролова. Он помнил, что на окраине есть пара старых лавочек, не заменённых при благоустройстве. Траву там никто не стриг, дорожки заросли грязью, люди гуляли редко. Хотелось одиночества и тишины.

Андрей сел на поломанную, с облупившейся краской, посеревшую скамейку. Где-то впереди был овраг, откуда расползался растворяющийся в теплеющем воздухе туман. Перед оврагом лежала пустошь, покрытая пока еще не пожухшей травой. Посередине, как костер зовущих на помощь людей, рос старый клен с красной кроной, и Фролову казалось, что клен истекает кровью от смертельных ран осени. Но спасти умирающие листья никто не в состоянии. Чтобы переждать зиму, дерево избавлялось от тех, кто под лучами всемогущего «желтого карлика» все лето давали ему жизнь, и кого снова породит с нежно-зелеными надеждами. Умирающие люди казались такими же листьями на могучем стволе разумной жизни. Они обратятся в прах и когда-нибудь распустятся на этом дереве, чтобы снова принести себя в жертву.

Пришло время закурить сигарету. Андрей курил только в моменты безысходности, когда мысли о вреде курения умирали со всем миром в вязкой трясине тоски. Сейчас было в самый раз, но в сумке, накинутой через плечо, как и в карманах, предательски не оказалось зажигалки. Зажечь табак от горящих красным огнем листьев клена, увы, было нельзя.

Вместо зажигалки в сумке обнаружили бутерброд и маленькая бутылка газировки. «Ну хоть это», – подумал Фролов и надкусил батон с сыром. Как будто зачужив съестное, откуда-то прилетела ворона. Она уселась напротив, на такую же разбитую лавку, и принялась разглядывать человека, по-

едающего пищу. Большую часть ворон в Тартарске составляли серые, но эта была чернее сажи. Птица характерно, ели заметно качала головой, чтобы лучше рассмотреть Фролова. Он же уставился на нее. Даже, делая ссылку на его печальное пессимистичное настроение, птица не выглядела предвестником беды. Скорее – инородным телом. Ее глаза – бусинки, будто окуляры телескопа, обещали показать ночное небо. Фролов заглянул в них, и почувствовал, как его тело, превратившись в крохотное нейтрино¹, несется сквозь черноту Вселенной, а мимо, словно деревья в окне поезда, мелькают звезды, туманности и Галактики. Наконец наступила абсолютная тьма... Или абсолютный свет. Понять это уже не было никакой возможности, потому что все было Единой сводящей с ума Паранишпанной²...

Появление ещё одного человека слишком беспощадно вернуло Фролова на скамейку осеннего парка. Ворона вспорхнула и улетела по своим птичьим делам. Внимание Андрея переключилось на прохожего. Откуда он вообще здесь появился? Так же искал уединения? Заблудился? Решил пройтись по местам молодости?

Про «места молодости» было вполне актуально, потому что человек был пожилым мужчиной интеллигентного вида,

¹ Нейтрино – нейтральная фундаментальная частица.

² Паранишпанна (санскр.) – абсолютное Не-бытие, которое есть абсолютное Бытие; также указание на состояние, в котором пребывает Непроявленная Субстанция.

чем-то напоминающего постаревшего Шона Коннери. Абсолютно белые волосы составляли короткую стрижку и аккуратно подстриженную бороду. Одет – в длинный бежевый плащ, из-под которого виднелись темные брюки. В правой руке держал трость. Судя по походке, трость была скорее аксессуаром, нежели необходимостью, облегчающей ходьбу. Начищенные туфли завершали образ интеллигента.

Дедушка присел напротив, на ту самую лавочку где только что сидела ворона, достал из кармана трубку и кисет с табаком. Пожилой мужчина собирался закурить. Это было весьма кстати при отсутствующей зажигалки.

Фролов дождал бутерброд, запил газировкой и достал сигарету. Старик уже закончил процесс набивки трубки и достал спички. Как только трубка была зажжена, Андрей встал и обратился к незнакомцу:

– Извините, а можно у вас попросить спички.

– Пожалуйста, молодой человек, – старик протянул коробок и продолжил: – Вы ведь не курите, верно?

Фролов замер.

– Ну, вообще нет. А откуда вы знаете? А! Ну да, дедукция. Я достал сигарету не из пачки, что означает, что мне ее кто-то дал, и у меня нет зажигалки. Все верно, – как бы сам подытожил Андрей и стал пытаться прикурить от спички, при отсутствии опыта это было весьма затруднительно – первая спичка погасла от ветра.

– Дедукция хороша для тех, кто не видит дальше своего

носа. Зачем каждый раз собирать пазл, если знаешь, как выглядит картина, – ответ пожилого незнакомца с белой бородой был весьма странен.

– Что вы имеете в виду? – спросил Фролов, с третьей попытки он все-таки поджог сигарету.

– Согласитесь, ведь в принципе странно задавать вопрос человеку, собирающемуся закурить, о том, что он не курит? Ведь факты говорят совсем про другое. Но еще более странным является ответ закурившего человека, подтверждающего, что он не курит и объясняющего это дедукцией.

Андрей Фролов не знал, как отреагировать на рассуждения незнакомца интеллигента и что вообще делать дальше. Сесть на свою скамейку и курить, сделав вид, что разговор закончен. Или продолжить общаться, ведь, по всему, личность перед ним предстала неординарная, начиная от внешнего вида и кончая словоблудием.

– Люди постоянно играют в кого-то, во что-то или с кем-то... – дед, похоже, решил все за своего собеседника и сам продолжил диалог.

– Я не играю, – вдруг перебил его Фролов, – я врач, у меня сегодня пациент умер. Поэтому я решил покурить. Настроение ни к черту.

– В данном случае от вас ничего не зависело, – дым из трубки незнакомца пах гораздо приятней, нежели от дешевой тонкой сигареты. – Не переживайте. Но вскоре возникнет ситуация, где выбор будет реален. И сложен. Неправиль-

ный выбор врача, когда он действительно имеет место быть, уносит чужую жизнь, а не его. Конечно, общество принимает принцип, что врач спасет девять человек, а десятого убьет. Но никто в этот момент не ставит себя на место десятого, той самой маленькой жертвы статистики. А когда вдруг оказывается ей, начинается полное отрицание ситуации и предыдущие девять спасенных уже никого не интересуют. Ваша работа, молодой человек, такая же игра, вы не герой, вы убийца, который грамотно подчищает себе карму. Хотите стать героем, поучитесь у саперов. Они ради спасения чужих жизней всегда рискуют своей.

«Кто вообще этот человек? – возмущению Фролова не было предела. – Почему он решил, что может со мной так разговаривать? Кто дал ему это право?» Молодого хирурга не покидало ощущение, что дед знает его, оттого он так дерзок и раскрепощен. Но в каком месте их пути пересеклись, никак не приходило в голову. Институт? Работа? Конференция? Родственник Веры? Ничего не давало малейшей зацепки!

«Родственник какого-нибудь умершего пациента, – осенило Фролова. – Точно! Это же очевидно! Кто еще будет называть врача убийцей! Их всех не запомнишь, а он видно меня заприметил».

– Послушайте меня, – начал Андрей, – наверное, в результате моей ошибки умер ваш родственник? Но, поверти мне, я делал все, что мог...

Дед затаился и от удовольствия закрыл глаза. Фролов подметил, что никакой злости, несмотря на негативные высказывания, этот старик не излучал. Создавалось впечатление, что ему просто нравилось делать из молодого собеседника дурака, ничего не понимающего в жизни.

– Умер? Родственник? Из-за вас? – пожилой мужчина задумался, как будто молодой хирург сказал какую-то глупость, потом, видимо что-то вспомнив, даже ели заметно улыбнулся.

– Андрей... – вдруг по имени обратился бородач.

Фролова словно током ударило: «Откуда он знает мое имя!?»

– Выбор будет сложным, – продолжил старик с трубкой. – С одной стороны твоя жизнь, с другой чужая. Но сложность выбора будет заключаться даже не в этом. Ведь выбирать между своей жизнью и жизнью незнакомого человек легко. Можно выбрать свою и никто не осудит. А вот когда дело касается только тебя самого... Сложность выбора будет заключаться в другом. Твоя жизнь физическая или духовная. Ведь духовно тоже можно умереть, если потеряешь самого себя. У тебя теперь есть время решить, что важнее, поскольку игры очень увлекают людское сознание, вызывая тяжелую моральную зависимость.

– Откуда вы знаете мое имя?

– У вас на бейджике написано.

«Какой еще нахрен бейджик?» – промелькнула мысль в

голове Андрея.

Фролов опустил голову, чтобы посмотреть себе на грудь. Куртка была расстёгнута, под ней была клетчатая рубашка, на кармане которой действительно весел бейджик. Когда сегодня после дежурства Андрей весил в шкаф халат, то с него упал бейджик. Фролов поднял его и прицепил к карману рубашки, чтобы потом отцепить и положить на рабочий стол. Почему-то лезть в шкаф и прицеплять к халату было лень. Но отцепить потом забыл, и теперь бейджик с его именем и фамилией так нелепо разрушал очередную интригу, то и дело возникающие в общении с седовласым незнакомцем.

Старик, тем временем, поднялся со скамейки и, продолжая курить трубку, отправился в том же направлении, откуда появился несколько минут назад, как будто разговор с молодым человеком был его единственной целью в этом заброшенном уголке парка. Ни слова более, ни прощания, хотя бы в виде мимолетного взгляда или рукопожатия. Дед просто встал и пошел, как будто все это время два человека не вели оживленную беседу, а просто сидели и молча курили.

– Про какой выбор вы говорили? – крикнул Андрей вслед.

Старик шел, как будто ничего не слышал. Фролов почувствовал себя дураком. Осознание того, что попытка догнать и продолжить разговор приведет к усилению этого чувства, сдерживала его от подобных действий. Андрей просто стоял и смотрел в спину, одетую в бежевый плащ, пока дед не повернул налево, скрывшись в желтозеленых зарослях.

– И что теперь делать? – эту фразу Фролов проговорил вслух.

Все происшедшее напоминало неприятный сон. Осознание того, что происшедшее все-таки не сон, усиливало неприятные ощущения. «Про какой выбор бредил дед? Чужая жизнь, моя жизнь... Духовная, физическая... Абсолютно абстрактные фразы, могут подойти к кому угодно». На самом деле Андрей понимал, о чем говорил старик. Это понимание было как «белый шум» – фоновое и ели заметное, сознание едва ловило его, потом сигнал прерывался, а информация все никак не обрабатывалась. Это едва уловимое понимание очень гармонично дополняло ощущение неправильности поступков. Фролов уже давно испытывал ощущение, что нечто делает не так, но что именно, никак не мог понять. И вот теперь представиться шанс выбора, а значит придет и осознание правильного и неправильного, хорошего и плохого, черного и белого. Этой контрастной картины мира и не хватало, а попытки прийти к ней заканчивались «списком» всевозможных уступок и условий, которые растворяли черное в белом, и все снова становилось серым. Серым – именно таким цветом был окрашен для Фролова современный город, и Тартарск в частности. Каждый день смесь из злобы и радости, мерзости и красоты, предательства и самопожертвования...

Уже четыре дня Андрей хотел увидеть одного человека, но все не было подходящей возможности. Дома Фролова ни-

кто не ждал, голова была забита кучей размышлений, которыми хотелось поделиться. Пожалуй, это сентябрьское утро подходило идеально для встречи. Он достал телефон и набрал засевший в памяти номер:

– Люба, привет.

– Привет.

– Не спишь? Можно к тебе сегодня заехать?

– Во сколько?

– Через полчаса.

– Хорошо, приезжай. Ты же знаешь, я всегда рада тебя видеть.

Глава 2

Растрепавшиеся невымытые темно-русые волосы, узкий овал лица, тяжелый пустой взгляд через большие очки в черной роговой оправе. Молодое девичье лицо кажется гораздо старше из-за никогда не проходящей грусти. Эта грусть, словно всегда бьющий подземный источник, ее потоки можно лишь увести куда-то в сторону, но нельзя остановить. А в речи постоянно присутствуют слова: «надо» и «нужно», как будто жизнь навсегда стала обременительной необходимостью, подобно скучному ожиданию на вокзале. Шерстяной плед с изображением Мики-Мауса выглядит куском разбитой детской мечты, скрывающим непристойную взрослую реальность. Впрочем, пледа часто нет, тогда можно видеть две культи отрезанных ног – следствие трагедии, изломавшей жизнь, но сохранившей ее, как издевательское напоминание, что ноги не являются жизненно важным органом.

Именно такой Андрею всегда вспоминается Любовь Соколова, двадцатипятилетняя девушка – инвалид. И именно с ней теперь ассоциируются и близлежащая к работе станция метро и весь тартарский метрополитен в целом. Уж слишком страшным и запоминающимся получилось знакомство Соколовой и Андрея.

После встречи с загадочным стариком к ней и направился. Странные предсказания пожилого мужчины посеяли необъ-

яснимую тревогу, окончательно развеявшую усталость после ночного дежурства. Эскалатор метро медленно спускал в подземелье Тартарска. Станция «Городская больница» – узкая и многолюдная. На исшарканном тысячами ног перроне уже давно не найдешь и пятнышка после трагедии многолетней давности. Фролов часто ловил себя на мысли, что его сознание, как этот исшарканный пол, давно воспринимает происшедшее как данность, ни видя в нем ни альтернативы, ни трагедии. Он работает хирургом, женат на Вере, у него есть знакомая Люба Соколова, девушка, которую ни дня не знал «другой». Это очерствение ему не нравилось, но деваться было некуда. С момента трагедии прошло три с половиной года.

Статус Соколовой даже для себя самого Фролов определить не мог. Ближе всего подходило слово «друг», но дружба зародилась не на классических социальных основах. Иногда Андрею казалось, что Люба его любовница, уж слишком часто он ее вспоминал и проявлял знаки внимания. Однако это тоже было очень сомнительно. Какая любовница, если он ее даже не целовал, не говоря о более личном? Любовь Соколова возникла чем-то инородным в стройной жизни обычного молодого хирурга, и в этом как раз и заключалась ее привлекательность. Не будь инвалидом, а обычной здоровой девушкой из толпы, они, с огромной вероятностью, даже не были бы знакомы, не говоря уже про дружбу или что-то выходящее за ее пределы. Это напоминало о той огромной силе, ко-

торой обладают обстоятельства в нашей жизни, построенной на причинах и следствиях. И все же было непонятным, почему эти обстоятельства настолько затуманивают наш взор, превращая в марионеток событий, ведь любой человек каждый день вступает с обстоятельствами в неравный бой, чтобы победить их и увидеть ту самую, скрытую за их пеленой, суть.

Двери поезда закрылись. До остановки, где жила Соколова, примерно двадцать минут езды. Час-пик давно миновал. Вагон полупустой. Фролов присел. В первый месяц после трагедии он часто прокручивал события, пытаюсь понять, что было сделано не так. Позже пришло понимание, что надо было не кидаться вытаскивать девушку, а просто заблокировать двери поезда ногой, крикнув пассажирам, чтобы сорвали стоп-кран. Но все было слишком неожиданно, вырывалось за пределы обыденности сотен подобных поездок в метро, чтобы безошибочно принимать решения. Андрей делал, что первое пришло в голову, и ему удалось спасти жизнь, пусть и не получилось избежать трагедии.

Три с половиной года назад апрельским утром Фролов ехал на работу в метро и вышел из вагона одним из последних. Ничего не обещало нарушить сакраментальность начала очередного рабочего дня, похожего на другие, и состоящего из автоматически пробегающих последовательностей. Освобождая пространство вокруг, поток людей устремился на поверхность. Фролов не опаздывал, и лезть в самую гущу

ему не хотелось. Заминка длилась секунд десять. В этот момент ожидавшие поезда почти полностью освободили перрон, рассаживаясь внутри. Взгляд Андрея упал на девушку. Похоже, ей было плохо. Ее шатало. В какой-то момент ноги подкосились, она оступилась и упала между вагонами под колеса поезда. Поезд обещал тронуться с секунды на секунду.

Фролов подбежал к краю перрона и, упав на живот, сунул руку между вагонами.

– Руку давай!!! – заорал он как можно громче, чтобы привезти девушку в чувство.

От падения девушка, вроде как, стала приходить в себя. Она открыла глаза, подняла голову и с ужасом поняла свое положение. Ее рука судорожно потянулась вверх, она пыталась сгруппироваться, чтобы без помех вылезти обратно. Это оказалось не так просто. Наконец-то ее ладонь соединилась с ладонью спасителя, он дернул, но дело не поправилось. Больно ударившись плечом, девушка осталась на месте. Чтобы ее вытащили в узкий проем, надо было встать на четвереньки, просунув ноги вглубь под вагоны. Сменив позу, не отпуская спасительной руки, она была уже готова спасти свою жизнь, но в этот момент поезд тронулся. Фролов дернул руку. Девичье лицо исказила гримаса боли, крик разнесся по замкнутому пространству станции. Несчастливая девочка была вытащена и спасена. Сначала Андрею показалось, что от резкого рывка он просто растянул или вывихнул ей руку, но

потом его взор застыл и утоп словно в черном озере, растекающемся по каменной пустыне из лопнувшего нефтепровода. Черная жидкость, пульсирующими брызгами, выбрасывалась наружу, напоминая о реликтовых лесах древности, которыми когда-то была. Было совершенно непонятно, как могучие заросли, скрывающие собой гигантов – динозавров, обогащающие планету кислородом, дающие жизнь миллионам обитателей, теперь сконцентрировались в этой черной пахучей жидкости. Казалось, вместе с ней из глубин планеты забрали и жизнь, которая теперь бездарно разливается на мертвой серой поверхности...

Фролов пришел в себя. Все же работа хирургом подразумевала какое-то планирование действий, подготовку к операции. Теперь же все было здесь и сейчас, без помощников, голубого халата и наркоза. Девушке отрезало обе ступни, и теперь она просто лежала на перроне и истекала кровью. Рядом уже собрались прохожие.

– Я хирург, – закричал Фролов. – Делаем, что я говорю. Вызываем скорую.

Он схватил обе ноги пострадавшей и задрал вверх. Кровь заливала его одежду, вытекая вместе с жизнью из бледного искалеченного тела.

– Мне нужно два ремня, чтобы перетянуть ноги! Кто-нибудь держите ее, сейчас у нее шок, но скоро ей станет больно и ее начнет колотить...

Задрав вверх кровоточащие ноги, прижимал их одной

рукой к груди, а второй расстегивая собственный ремень. Кровь еще продолжала сочиться из покалеченных конечностей, теплая и липкая, она неприятно пропитывала рубашку. Ремень предательски плохо вытягивался из джинсов. Создавалось впечатление, что зеваки просто смотрят, не предпринимая никаких действий, чтобы помочь доктору, но вскоре кто-то протянул руку со спасительным «жгутом», одна нога была перетянута, затем вторая. Нужно было колоть обезболивающее. Девушка приходила в себя...

Казалась, скорая помощь, как обычно, едет целую вечность. Позже Фролов понял, что она приехала довольно быстро. Просто в тот момент время тянулось слишком медленно. Когда врачи неотложки кололи искалеченной девушки промедол, ее уже держали два человека, а один из них – Андрей Фролов пытался впихнуть в рот обычную шариковую ручку, чтобы она сжала ее зубами. Но ручка в зубы не шла, жертва несчастного случая, скорее, редела как медведь, нежели кричала, и в этом реве, то и дело, можно было различить постоянно повторяющийся вопрос: «Где мои ноги?!!»

Поскольку все происходило на станции метро с названием «Городская больница», то ехать до хирургии – не больше минуты. Смена Фролова уже началась, и он принял решение сам заниматься искалеченной пациенткой. В голове промелькнула утопичная мысль пришить ноги обратно, но отделения микрохирургии в больнице не было. Идея была неосуществима, и Фролов, как профессионал, осознавал это

лучше других. Девушку уже уносили на носилках, когда Андрей подошел к краю платформы и взглянул вниз. На рельсах лежали два изорванных ботинка, внутри которых хранились еще не отмершие ступни. Теперь их заберут судмедэксперты, чтобы после просто сжечь как биологические отходы.

Рядом с ботинками лежала сумка. После происшедшего лезть на рельсы совсем не хотелось. Андрей взглянул на помогавшего ему мужчину. Тот стоял, сопровождая взглядом носилки, еще не придя в себя от событий, участником которых стал. Фролов попросил его помочь быстро выбраться на перрон, а сам спрыгнул и забрал сумку. Врачи «скорой» уже поднялись по эскалатору вверх, нужно было поспешить, чтобы успеть запрыгнуть к ним в машину.

Под действием обезболивающего бледная девушка затихла и закрыла глаза. Фролов, сопроводив ее до своего отделения, начал готовиться к операции: предстояло обрезать лишнее, пережать сосуды и перебинтовать конечности, восполнить потерянную кровь. Будничная процедура, но почему-то участие в спасении пациентки заставляли испытывать к ней какое-то особое сострадание.

После операции, Фролов взял сумку пострадавшей и пошел в ординаторскую. В сумке нашелся сотовый телефон, в справочнике которого числился контакт с названием «мама». Там же оказался студенческий билет. Любовь Соколова, студентка пятого курса Тартарского государственного университета.

– Здравствуйте, капитан Мартынов, Комсомольское РО-ВД. Вы Андрей Фролов, спасший девушку на станции метро? – на пороге появилась милиция, бригада скорой помощи знала хирурга лично и, судя по всему, сообщила куда следует.

– Да, я. Спасти не совсем удалось. Ей отрезало ноги. Эта сумка потерпевшей. Сообщите, пожалуйста, ее матери, чтобы она приехала в больницу...

На следующий день Андрей отправился к Соколовой. Зайти к пациентке было его работой, и казалось, что ничего особенного в этой обычной процедуре не было, но почему-то хирург испытывал желание как-то порадовать девушку, а не просто скупно справиться о самочувствии. Хотя, чем можно было порадовать человека, недавно ставшего инвалидом? Тем ни менее Фролов купил фруктов и конфет.

Безногая Любовь лежала на койке с абсолютно пустым и потухшим взглядом. Казалось, что окружающие соседи по палате, прооперированные по удалению аппендицита, да межпозвоночной грыжи, по сравнению с ней, просто излучали позитив и жизнелюбие. Когда Фролов присел на край кровати, Соколова даже не повернула голову, а только взглянула на врача. Она молчала, и Андрей понял, что разговор начать придется ему:

– Меня зовут Андрей Фролов. Не знаю, помнишь меня или нет, но это я вчера вытаскивал тебя в метро. Я хирург, работаю здесь. Это тебе, – Андрей поставил пакет с гостин-

цами на тумбу.

Взгляд серо-голубых глаз девушки сопровождал пакет, затем она снова посмотрела пустыми глазами на Фролова и, наконец, ответила:

– Лучше бы я вчера умерла. Зачем вы меня спасли?

– Когда ты упала между вагонами, я не думал, что все закончится так. Я собирался вытащить тебя целой и невредимой. Мне кажется, в этом случае ты бы не спрашивала меня, зачем я это сделал.

– Ну, да... Спасибо... Вы всегда приносите своим пациентам... пакеты?

– Нет, только тем, кого спасал от смерти, – Андрей улыбнулся и, подумав, что спасает людей от смерти довольно часто, добавил: – Не в качестве хирурга.

Настала пауза.

– Я понимаю, что это представляется как крах, – продолжил Фролов. – Крах всей жизни. Это большая трагедия и большое испытание. Но, поверь, я работаю в хирургии не первый год, и знаю, что пациенты, которым по тем или иным причинам пришлось ампутировать конечности, живут потом вполне счастливой жизнью. К тому же сейчас очень развито протезирование. Есть даже протезы, с которыми можно заниматься спортом и танцевать. Один наш пациент даже участвовал в паралимпийских играх и выиграл там медаль. У него жена и дети.

– Вы говорите это все, потому что должны. Вы понимаете,

что я теперь никогда не смогу жить прежней жизнью?

– Твоя реакция нормальна. Для хрупкой девушки ты держишься даже слишком хорошо. У меня тут мужики после ампутации плакали. Поэтому тебе просто надо все обдумать наедине с собой, чтобы набраться сил жить дальше, – с этими словами хирург поднялся с края койки.

– Вы придете завтра? – вдруг спросила Соколова.

– Конечно, – ответил Фролов.

Андрей навещал Любовь каждый день, а когда ее выписали, дал контакты общества инвалидов Тартарска, чтобы девушке приобрели инвалидную коляску. Мама Соколовой (Люба воспитывалась в неполной семье, отец уже давно не общался с дочкой, а после восемнадцати лет перестал платить алименты) постоянно благодарила Фролова, говорила, что ставит в церкви свечки за его здоровье и что он «ангел, которого послал Бог, чтобы спасти ее девочку от смерти». В больнице какое-то время Фролов был героем, но как только Соколова покинула палату, про это никто и не вспоминал. Жена Вера тоже гордилась своим мужем. Уголовное дело, открытое после трагедии, закрыли со стандартной формулировкой «за отсутствием состава преступления», ведь Соколова просто упала в обморок, и никто ее специально под колеса не толкал. Машиниста тоже не привлекли к ответственности, так как он не видел ни падения пострадавшей, ни лежащего на перроне в серой куртке Фролова. В общем, на этом история о девушке, спасенной от смерти ценой поте-

рянных ног, должна была для молодого хирурга и закончиться. Но где-то через неделю Андрей обнаружил у себя нарастающее с каждым днем желание увидеть Любовь Соколову. Ему хотелось узнать, как у нее дела, как она адаптируется к новой жизни, в конце концов, просто поговорить о чем-нибудь. Фролов не понимал, зачем ему это надо. Ну спас, ну помог, и что? Если каждого пациента в душу пускать, с ума сойти можно. Он хотел, чтобы Соколова была для него одной из сотен, но почему-то с самого первого дня между ними установился какой-то незримый контакт, как будто девушка, схватившись за руку молодого мужчины в момент ее спасения из-под вагонов метро, больше ее не отпускала.

Через две недели после того, как Соколову выписали, Андрей не выдержал и решил хотя бы ей позвонить. У Фролова был телефон матери Любы – Екатерины Леонидовны, с которой несколько раз связывался по рабочим моментам, еще когда ее дочка была госпитализирована. Екатерина Леонидовна с радостью дала номер сотового телефона Любы, но в голосе была какая-то печальная тревога. Фролов набрал девушку, но на звонок никто не отвечал. Так было три раза. Адрес девушки был записан в рабочих документах. После смены Андрей купил торт и отправился к Соколовым.

Соколовы жили в пятиэтажной «хрущевке», не оборудованной ни лифтом, ни какими-либо вспомогательными для инвалидов устройствами. Эта была окраина города, район строился в шестидесятые под открывшийся механический

завод. Завод давно не работал, что породило безработицу, пьянство и криминал на уровне «гоп-стоп». С семидесятых здесь сильно ничего не изменилось, если не считать выросших во дворах продуктовых павильонов, да одиноких, разбросанных в хаотичном порядке новостроек, выглядевших гротеском на фоне панельной серости.

Фролов долго искал нужный дом в лабиринте одинаковых зданий, наконец, нашел и заприметил опознавательный знак – возле дома была старая голубятня. На двери подъезда стоял домофон. Фролову не хотелось объяснять через переговорное устройство, кто именно посетил Соколовых. Недолгое ожидание и вместе с каким-то жильцом дома прошел вовнутрь. Квартира Любы располагалась всего-то на втором этаже, но три лестничных проема делали недоступными свободу улицы даже для инвалидной коляски. Дверь открыла Екатерина Леонидовна. Она сначала удивилась, потом обрадовалась, а затем, после вопроса Фролова: «А где Люба?», пригласила гостя на кухню.

– Коляску пока еще не купили, – рассказывала старшая Соколова. – Протезы тоже не заказывали, да и рано на них еще ходить. Для всего этого нужно оформить инвалидность. На следующей неделе документы должны быть готовы. Я бы сама уже коляску купила, но как цены узнала... Люба почти не выходит из комнаты. Понятно, что я не могу перенести ее на руках в зал, чтобы посмотреть телевизор, но я знаю, что когда меня нет дома, она на четвереньках доходит до туалета.

та. Я говорю ей: «Люба, я же твоя мама, не надо меня стесняться». Но в моем присутствии она так не передвигается, а просто лежит и смотрит в потолок. Музыка в наушниках слушает иногда. Я специально на выходных почаще выхожу из дому, чтобы она не терпела... Ни с кем из старых друзей и знакомых не общается. Мне звонила староста группы, предлагала, чтобы они группой пришли навестить. Я Любе передала, так она истерику устроила, кричала, чтобы не смела какого-то из ее знакомых пускать. По телефону общается только с Машей, они с детства дружат. Маша в соседнем доме живет, я ее на улице встречаю, спрашиваю, почему в гости не приходишь, а она говорит, что Люба запрещает. А еще очень плохо ест. Может один раз в день поковыряться в тарелке и все. Уже кожа до кости одни остались. Хорошо хоть перевязки делать дает. Андрей Владимирович, может, хоть вы с ней поговорите. Я очень за Любу переживаю. Я в университет ездила, ей там академический дали, тут полгода-то осталось, и то боюсь, вдруг не доучится. Я понимаю, что ей сейчас нелегко, но надо бороться, держаться... Дальше легче будет. Коляску купят скоро. Но главное, я боюсь, что она с собой покончит...

На глазах Екатерины Леонидовны стала расти роса слез.

– Это все нормально, – пытался успокоить ее молодой врач, хотя он только что осознал, что не имеет особых познаний о том, как ведут себя дома люди, ставшие инвалидами, и просто импровизирует. – Я думаю, что она не будет с собой

кончать. Появится коляска, сможет передвигаться по дому, а с вами по улице. Поскорее верните ее к учебе. Чтобы мозг был чем-то занят, – Фролов понимал, что на самом деле понятия не имеет, что творится в голове девушки и, возможно, она действительно готовит план по суициду. – А я сейчас с ней поговорю, если она конечно захочет.

Андрей осторожно открыл дверь и зашел в комнату к Любове. Она лежала на кровати. Настенный светильник освещал пространство тусклым желтоватым светом. Девушка повернула голову и, увидев неожиданного гостя, даже слегка улыбнулась, а затем приподнялась на руках, перейдя в полусидящее положение. Она смотрела на Андрея, не отрываясь, как будто он пришел, чтобы взмахом волшебной палочки вернуть ее ступни и прежнюю жизнь. Фролов понял, что это хороший знак. Вероятно, он пришел кстати, потому что Люба выглядела ужасно: впалые щеки, синяки под глазами, засаленные невымытые волосы.

– Привет, – поздоровался Андрей.

– Я думала, что больше никогда не увижу вас...

– Можешь сама одеваться?

– Да. А зачем?

– Мы идем гулять. Думаю, что твои «кожу и кости» я унесу куда угодно.

– Вы понесете меня на руках?

– А что, у нас есть другие варианты?

– Только я две недели на улице не была. Какая там погода?

– Самая что не есть весенняя. В самый раз для прогулок.

– Зачем вы это делаете? Почему вы пришли?

– Я же давал клятву Гиппократу. Почему ты плохо ешь?

Организм и так испытал жуткий стресс, ему нужны силы, – Фролов специально перевел тему, чтобы не объяснять свои поступки.

Андрей вынес девушку во двор и посадил на лавочку. Солнце уже подходило к горизонту, был теплый майский вечер. Весело чирикали воробьи, во дворе бегали и кричали дети. На деревьях уже показались нежные листочки, пролив зеленую краску на кроны деревьев. Ветер нес запах весны и дыма. Фролов не пытался читать Соколовой лекции и нравоучения, разговаривал на темы, не связанные с трагедией, случившейся около месяца назад. И вдруг начал рассказывать о себе. Время летело незаметно, и Андрей принялся нервничать, дома ждала жена. Он предупредил, что пришлось задержаться на работе, но работой это назвать было трудно. Вере врать не хотелось. Но объяснить, почему он здесь, похоже, Фролов не мог никому: ни Любе, не жене, ни самому себе.

– Андрей Владимирович, можете перенести меня на другую лавочку. Вон на ту. Я знаю, что мама сейчас поглядывает за мной, а хочу попросить, чтобы вы купили мне... бутылку пива. У меня деньги есть. На той лавочке мама нас не увидит.

– Люба, ты спросила сегодня почему я пришел... Это не связано с работой. Просто мне показалось, что тебе очень

плохо, что нужна помощь. Я же спасал тебя не для того, чтобы ты потом покончила с собой...

– Я не буду кончать жизнь самоубийством. Я знаю, это вам мама сказала. И, наверное, попросила прийти. Успокойте ее. Может, во многом, я буду жить как раз из-за нее. Мы с трех лет живем вместе и очень друг друга любим.

– Это радует, это очень хорошо, – Фролову понравилось, что Люба связывает его приход с просьбой мамы и, решив ничего не отрицать, продолжил: – Хочешь, я буду звонить тебе и иногда навещать?

– Конечно, хочу... Вы единственный человек, которого я не стесняюсь. Я знаю, что вы никогда не подумаете, что я калека или безногая уродка. Вы понимаете все мои сегодняшние ситуации.

– А почему ты стесняешься мамы?

– Мне стыдно перед ней. Я искалечила не только свою жизнь, но и ее. У нее теперь одни проблемы... Вы ничего не ответили про пиво? Мне нельзя его, да?

– Можно. Одну бутылку. Сейчас куплю. Будем пить здесь. Все равно запах потом будет. Запиши номер моего телефона. Я тебе звонил сегодня, номер мне дала твоя мама. Ты просто не отвечала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.